

БЕНИАМИН ЖАК

ЦВЕТНЫЕ
СНЫ

ВЕНИАМИН ЖАК

ЦВЕТНЫЕ
СНЫ

НОВАЯ КНИГА СТИХОВ

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1976

P2
Ж22

Жак В. К.

Ж22 Цветные сны. Ростов, Кн. изд-во, 1976.

112 с.

Вениамин Константинович Жак более полувека работает в советской поэзии. Первые его стихи были опубликованы в 1923 году. С тех пор в Ростове и в Москве вышло много его книг для детей и взрослых. Среди них «Песенка-лесенка», «Солнечные прятки», «Мудрецы», «Сегодня, завтра и вчера», «Разговор с двадцатилетним», «Сколько солнца в небе», «Пять граней», «Кто склеивал звезды» и многие другие. В сборник «Цветные сны» включены, в основном, стихи, написанные в последние годы.

Ж $\frac{70402 - 030}{M156(03) - 76}$ 40—76

P2

Детство,

молодость,

зрелость,

старость

Нелегко разложить по главам.

Что же в сердце моем осталось

Самым истинным,

самым главным?

Нам дорог цвет, нам цвет необходим!
В него, как в море, сердцем окунулись.
Мелькнуло детство камешком цветным,
Всем многоцветьем просверкала юность.

Как долго зрелость отыскать старалась
В соцветье красок высшую ступень!
И даже в сумерках, когда закончен день,
Цветные сны приходят к нам под старость.

Пусть только сны, а все-таки — цветные!
И, кажется, — мы снова молодые,
И, в силе красок заново уверясь,
Как в юности, — не принимаем серость!

У времени

на правду зоркий взгляд,
Оно своей улыбки не скрывает,
Когда мои ровесники твердят,
Какие силы в них еще играют!..

Нельзя, как в платье модное, одеться
В открытость юности

или в наивность детства.

Зачем же молодиться так бессовестно?..
Но почему-то больно мне и боязно...

А вдруг во МНЕ

звучит не голос зрелости,

А подозрительность и самомнение старости?
МНЕ,

может, в чувствах не хватает смелости?
МНЕ,

может, в мыслях не хватает ярости?..

Хотя еще итожить не резон
Век,
 завершающий тысячелетье,
Столетия нового
 все ближе горизонт,
И вся Земля за горизонт в ответе.

Хотя свои у каждого года,
И каждый год по-своему окрашен,
Но нас братали радость,
 и беда,
И общий страх,
 и общее бесстрашие.

То —
 черный дым нам выедал глаза,
То —
 сердце нам сушили суховеи:
Не пыль, а порох!
 Мертвые леса
Стволами оголенными звенели.

Но сколько было и счастливых лет
В могучем,
 многокрасочном кипенье...

Их замыслы,
их добрый,
теплый свет
Спасают Землю от обледененья.

Товарищи
и недруги мои,
По-разному
мы жизнь порою мерим,
Но век
вручил нам
будущность Земли, —
И нам
нельзя
не оправдать доверья.

У каждого свое святое свойство,
Которому не смеет изменить:
Обязано уметь сражаться войско,
Цветок — цвести,
а светлячок — светить.

По песенке о певчих птицах судим,
На то вопрос, чтобы искать ответ,
Но почему понять так трудно людям:
Без человечности
и человека нет.

Жизнь безошибочной быть не умеет;
Как часто она от ошибок умнеет.

Колумб по ошибке доплыл до Америки...
Ну, как вы такую ошибку измерите?

Есть заблуждения и поражения,
Что истин важней и почетней побед.
Пусть наши потомки глядят с уважением
На летопись битв и на летопись бед.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

С. Есенин

Снег за окном —

он стает по весне.

Снег в волосах —

он никогда не стает.

Зима идет,

и с каждым днем ясней,

Что к юности возврата не бывает...

Беда невелика, точнее полбеда,

Что мы давно наш полдень миновали:

Глаза ясны, шаги еще тверды,

Гореть и радоваться сердцем не устали.

О наших подвигах не будет петь страна,

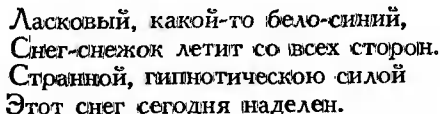
Но то, что сделали, мы делали на совесть.

В ряду других

и наши имена

Короткою строкой

войдут в большую повесть.

И ВОТ

**Снова будут все пути нехожены!
Будет жив**

Весь шумный круг друзей!

Я еще — до глупости восторженный,
Мне еще придется
стать трезвей!

Снова вижу —

белою дорожкой

БОТИКОВ твоих уходит след.

Оттого как можно осторожнее

Трогаю рукою

нежный снег.

ЛЕШИЙ

Без лешего немислим зимний лес,
Его заботами в нем холодно и голо.
Слепит глаза сутробов мертвый блеск,
И неуместен слишком громкий голос.

В такой тиши легко и онеметь!
Ушли под снег вчерашние дороги.
Недвижно спит всезнающий медведь
В надышанной, в нагретой им берлоге.

А нам не страшно в белой тишине,
Мы вволю дышим воздухом студеным.
Иголок зелень тронем на косне,
Чтоб мерзлый снег осыпался со звоном.

Пусть старый леший вылезет, зевнет,
Протрет ручищей слюдяные глазки
И спросит нас, крестя лохматый рот:
— Вы из какой сюда явились сказки?

БАБА-ЯГА

Бывает почетная, светлая старость,
Как доброе утро в январском снегу...
Но бойся, чтоб в сердце твое не прокралась
Не эта —

другая —

сварливая старость,
Похожая очень на бабу-ягу.

Вооружившись густыми приметами
И односторонним житейским умом,
Влезет, тебе докучая советами,
В твой многолюдный, приветливый дом.

И станет темнить и чернить по привычке
Все, что считаешь своею судьбой!
Поселится в доме такая жиличка
И всех молодых перессорит с тобой.

Что делать? Ей в чаще построить избушку!
Ей сверхзвуковое вручить помело!
Подольше пускай полетает старушка,
Подальше от нас чтоб ее унесло!

ВЕСЕННИЙ РУЧЕЙ

Веселый
и грязный
Весенний ручей,
То смутных,
то ясных
Он полон речей:

О блеске
проснувшихся
Влажных лугов,
О пролесках,
ждущих
Ребятчих шагов.

О небе
(без неба
Бессмысленно жить!),
О будущем хлебе,
Что надо вспомнить.

О прязи,
в которой
Не видит стыда:
Она взбаламучена
Не на года.

Недолго ей
 в паводке
Шумно играть:
Землей плодоносною
Станет опять.

Прекрасных
 и властных
Он полон речей —
Веселый
 и грязный
Весенний ручей!

ТОПОЛЬ

В саду задумалась весна
И снег смахнула с ближней ветки,
И стала тополю тесна
Аллея юколо беседки.

Он вдруг почувял добрый сок,
Что корни пьют с таким весельем;
Он вдруг увидел, как высок
Сегодня небосвод весенний.

И в этой светлой вышине,
Омытый первой синевею,
Бесшумно тополь зашумел
Своею завтрашней листвою.

Уже скворцов весенние ватаги
Перешуметь сумели воробьев.
Последний снег еще лежит в овраге,
Но солнцу

он

сдается без боев!

Ручью хмельному — море по колено!
С травинкой юной — вся земля дружна!
Самоотвержения, самозабвения,
Самодержавна
ранняя весна.

Земля вращается,
 вращается,
 вращается,
А не стоит на сказочных китах...
Все по-иному,
 все совсем не так,
И все-таки
 все снова повторяется.

За декабрем —
приходит новый год,
А вслед —
лесов весенняя расцветка...
Мы повторяем чувств круговорот,
И заблуждения,
и мудрость наших предков.

Года спешат,
друг друга торопя:
Их впереди не полчища,
а горстка...
Но с каждой зеленеющей березкой
Опять себя я чувствую подростком,
В подростке каждом —
вижу вновь себя!

ТРАВА

Играют грозы
 шумными громами,
Играют луч
 и неба синева,
А на земле
 непромкими делами,
Пока жива,
 встречает день за днями
Бесхитростно-могучая
 трава.

Она всегда,
 она везде готова
И глаз ласкать,
 и сердце веселить!
Трава —
 земли зеленая основа,
И без нее
 и солнцу скучно жить.

Все извечно,
и все знакомо,
И, согласно календарям,
По давно известным законам
Май недолгий
приходит к нам.

Но влюбленные в май деревья,
Расцветающие цветы,
Мимолетности дней не веря,
Ждут
пожизненной
теплоты.

Верят звездам в огромном небе, —
С каждой ночью они светлей!
Верят —
птичий счастливый щебет
Не покинет
вовек
ветвей!

И без этой
наивной
веры,

Без слепой,
но мудрой любви
Был бы мир
не зеленым,
а серым,
Онемели бы соловьи.

НЕПОЛУЧЕННОЕ ПИСЬМО

Волна гольщиками прошебуршит
И пеной распишется влажною,
А море волнуется,
море спешит
Вслед за волною,
за каждую.

Оно проверяет (ему видней!),
Что волны на берег вынесли?
Дыханье сокровищ, лежащих на дне?
Замыслы?
Домыслы?
Вымыслы?

Мечтаю:
 вон там —
 на ближайшей волне —
 Бутылка мелькнет, ныряя,
 А в этой бутылке
 послание мне
 От самого Нероя!

Что ждет он меня
во дворце нереид
С первого дня творения!

И все nereиды рыдают навзрыд
От нежного нетерпения...

Но нету бутылки
и нет письма...

И это, пожалуй, к лучшему:
Сколько уже сводили с ума
И менее странные случаи.

В пучину нырнешь за кипучей мечтой,
Жемчужину вымысла выловить, —
А вынырнешь ли
из пучины той?

На волнах писано
вилами!

Зачем с nereидами мне горевать
В их темном подводном просторе?
Разумней —
на теплом песочке лежать.

И плоские камешки в море бросать,
В многострадальное море!

Солнце, кажется, спит на ходу,
Над степями безоблачный полдень.
С накалившимся солнцем в ладу,
Воздух сух,
 неподвижен
 и плотен.

Сонный мир,
 он затих,
 он застыл,
И, что время бежит, — он забыл...
Но знакомая с детства река
Еле слышно течет сквозь века.

Созывает река облака,
Прозовывает скликает тучи,
Чтоб прохладой издалика
Вдруг дохнуть —
и живой,
и тремучей.

ЛИПОВЫЙ МЕД

В недвижимом
пышущем иголе
Прилипчив
липы аромат.
И пчелы,
как живые пули,
Над головой моей летят.

Те пули
не мертвят,
не косят,
Бьют в цель,
а цвет на липах — цел!
И плодоносен,
медоносен
Неумолкающий обстрел.

Мед
(в добрый час)
наполнил соты,
И горько пасеки дымят:
Уходят в новую работу
Пчелиный мед,
пчелиный яд.

Как пахнет липой день в июле,
Земля светла,
 земля тепла,
И снова,
 покидая улей,
Летит рабочая пчела.

Я не видел такой глубины
Голубого прозрачного дня,
Я не слышал такой тишины,
Обступившей впервые меня.

Даже птицы не смеют петь,
Даже ветер улегся в травы,
Даже листьям нельзя шуметь —
До того тишина величава.

Тишиною весь мир объят,
Оттого мне ничуть не странно
Слышать, как на ходу скрипят
Параллели и меридианы.

Слышу я, как несет меня
Дорогой мой корабль —
Земля!

Поспешно просыпаются рассветы —
Их будит фарами поток автоколонн...
Без выходов работающих летом,
Течет устало
 обмелевший Дон.

Косые волны пахнут свежим хлебом,
И кажется,
 как будто вся страна —
Река, и люди, и трава, и небо —
В младенческом дыхании зерна.

Не зернышко — живая капля света
В честь солнца поднимает голосок!
Живым,
но тяжким

Многозернистый гнется колосок, золотом одетый.

Не просит он ютсрочки и пощады:
Он — рядовой бесчисленных полков...
Есть время сева,
 время доброй жатвы
И час
 до края полных закромов.

Разрабатывает детально
Пересадку сердец людских.

Ненадежно девичье сердце!
Может быть, оно заболит.
Он тогда
 смирению и дерзко
Ей — навечно — свое вручит!

Ничего она не заметит!
Не почувствует ничего!..
Очень грустно...
 Но теплый ветер
Улыбнуться зовет его.

Не только в зыбких мифах
и преданьях,
Но даже в самой точной из наук
Присутствует ее творцов дыханье,
Как в слове письменном
живет уснувший звук.

Ученый — воин,
а не соглядатай
Природы таинств
и веществ игры!
Он — сын своей эпохи
и оратай,
Ее гонец
в безвестные миры!

БАБЬЕ ЛЕТО

Отбушевали прозы летние,
Но рано властвовать снегам.
И женщиной сорокалетней
Приходит бабье лето к нам.

Все краски сентябрем притушены,
В нем отблеск тихой синевы!
Живые чувства не остужены,
Они светлы,
но не новы!

Все радости земные познаны.
Уже не завязи — плоды.
Ветрам на память листья розданы,
И пахнут яблоком сады.

Недальних заморозков свежестью
Звенит ночная тишина
И мудрой материнской нежностью
Земля сентябрьская полна.

ВЫБОР

(По мотивам Р. Фроста)

В желтеющем лесу .

двоится вдруг дорога.

Как выбрать мне

один

из двух путей?

Гляжу туда, где даль скрывает строго

Дорогу,

что не сделал я своей.

ОСЕЧКА

Патрон был дослан,
и курок был спущен,
Но что-то не сработало, —
и вот
Лиса уходит в золотые пуши,
Лишь рыжий хвост
мигает и зовет.

Скатились камешки,
и улыбнулась речка,
Неся свой плеск прибрежному кусту...
Мудра и своевременна осечка,
Когда она спасает красоту!

ЗОЛОТОЙ ОГОНЬ

Осень синяя

осенила сады,

Оглянуться на год шора.

В обнаженных ветвях огонек звезды,

Не сгораая, горит до утра.

Желтой птицей летит на мою ладонь

Лист медлительный,

лист опавший...

Может,

это горит золотой огонь?

Золотая память о павших?

Этих тихих огней не считай —

не счесть!..

Звезды осени

над листопадом...

И пока не изменят нам

память и честь,

Все ушедшие

с нами

рядом.

Осенний закат —

красно-рыжий по-лиси —

Наполнен шуршанием и шорохом леса...

Роняют деревья отжившие листья,

Как слово,

лишенное прежнего веса.

Как много возвышенных слов облетело, —

Ни смысла,

ни чувства —

одни оболочки.

И ветер гоняет их бренное тело,

Как желтые листья,

от кочки до кочки.

От графики

вдруг обнажившейся рожи

Закат

и законченной,

и лаконичней...

Быть в чувствах своих

и прочнее,

и проще

Становится нашей потребностью

личной.

Старинная кормилица-река,
Привыкшая к размеренной дороге,
Свой распорядок знавшая века,
Вдруг поднята,
 как будто по тревоге.

Строителей бессонные умы,
Как в памятные годы Волго-Дона,
Ее лишают ночи
 и зимы,

Положенных
 по всем ее законам!

Стремительно строители живут,
Вгрызаясь в землю
 по-саперски,
 с ходу!

И не томит их теснота кают
На дебаркадерах
 и бывших пароходах.

Их стойбища издалека видны:
Их узнают по скопищам машинным.
Глядят в потемки вспугнутой воды
Курганов свежих рыжие вершины.

Пройдут совсем короткие года,
А не гряда медлительных столетий,
И человек, причаливший сюда,
Уже примет строительства не встретит.

Но память —

нестареющим мостом —

Вдруг свяжет день грядущий

и бывшее...

Все это будет!

Будет!

Но — потом...

Сейчас нам некогда:

гремит горячка боя.

Идут холодные дожди,
Безжалостно смывая лето,
И неба ясного не жди,
Насквозь промокшая планета.

И все-таки не плачь, стекло,
Озябшее в оконных рамах, —
Ведь все, что в море утекло,
Вернется поздно или рано!

Вернется каплей дождевой,
В окно весеннее влетая,
Вернется памятью живой,
Крылатою,
как птичья стая.

Что знает лист о дереве своем?
Он знает только братьев и соседей,
Да ветку зыбкую — недолговечный дом, —
Которую раскачивает ветер.

Всю жизнь свою мечтает лист взлететь,
Как бабочка залетная, как птица...
Но только в старости, когда начнет желтеть,
Его мечта должна осуществиться.

И он летит под ледяным дождем,
Летит, подхвачен равнодушным ветром...
А позади —

А позади — опустошенный дом,
 сгорающее лето.

Летит он —
не умеющий летать, —

Покорный беспощадному приказу...

И В ЭТОТ МИГ

ему дано понять

Все дерево —
увиденное сразу.

ДЕКАБРЬ

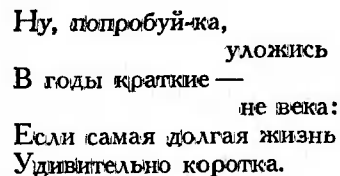
Декабрь! А на Дону — апрель!
И ждут деревья над полянами,
Что их в листву оденет заново
И спрячет наготу полей
Декабрь, похожий на апрель.

Зима апрелем хочет выглядеть
От луж до облачка далекого,
Как будто май маячит около,
А не метелей волчий выводок...
И все ж зима апрелем выглядит!

Не из тщеславья, не из выгоды
Зима не хочет быть собою,
Нет, небо сине-голубое
Ее на эти тянет выводы, —
А не тщеславье и не выгоды.

И вот, себя мечтою грея,
Уплыть старается от старости
Денек декабрьский, словно парусник,
Как шхуна капитана Грея...
Себя своей мечтою грея...

Декабрь! А на Дону — апрель!
Зима апрелем хочет выглядеть
Не из тщеславья, не из выгоды, —
А чтоб себя мечтой согреть,
Декабрь походит на апрель.

Но неспешно мы учимся жить
В суете своей многолетней...
А минутами дорожить
Начинаем
лишь в час последний!

ЗИМНЕЕ УТРО

Возят в окнах троллейбусы солнечный блеск
И стеклянные всплески смеха.
Утро город одело в сиянье небес,
Чуть подкрасив сиреневым снегом.

Пусть не знает сугроб,
 что юн с полем в родстве,
 что он тоже весне подсуден, —
 Он умрет в ручье,
 оживет в листве...

Этот путь —
до чего ж он труден!

Но, быть может, на ласковый лист
по весне
Отдохнуть присядет звезда,
И приснятся листку
прошлогодний снег
И зеленая искорка льда!

Он с детских лет поверил: «Чудо будет!
Оно придет началом всех начал!»
И в суете обидных серых буден,
Заворожен мечтой о высшем чуде,
Он маленьких чудес не замечал.

Не замечал, что ветер пахнет морем,
Что солнце греет,

спорят воробьи;

И что вода,

которой руки моем,

Колумбовы уносит корабли.

Земля ему отсыпала без счета

И серебра и золота зари,

Дала слова,

чтоб их расслышал кто-то!

И музыку всех голосов земли!

Сокровища и тóлоса и взгляда

Земля ему вручила с первым днем!

Он чуда ждал,

а чудо было рядом!

Он чуда ждал,

а чудо было — в нем!

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ДЕТСТВО

Тринадцать лет —

то синий, то зеленый —

Морской прибой беседовал со мной.

Тринадцать лет —

пугливый и влюбленный —

Встречался я с каспийскою волной.

Она о берег билась неустанно,

Как кровь, тепла,

как слезы, солона...

И вдруг война дошла до Дагестана,

Гражданская, жестокая война.

Предав народ аварский и даргинский,

Придав приказам шариятский лоск,

Фанатиков повел имам Гоцинский

На Темир-Хан-Шуру и на Петровск.

Ветра кружат над пеплом Хасавюрта, —

Он вырезан, разграблен и сожжен...

И над Петровском блещет это утро,

Как шашка, вырванная из ножен.

А к вечеру бежим по скользким доскам,

Борт корабля над темною волной...

Я — беженец, мальчишка из Петровска,
Не ставшего еще Махачкалой.

Мы — беглецы... И в сердце страх невольный:
Темны пути, и берега темны...
О низкий борт упрямо бьются волны,
Как кровь — теплы, как слезы — солены!

Мне невдомек:

не пена за кормом,

А годы детства

уплывают прочь.

Они навек прощаются со мною
В Каспийском море, в мартовскую ночь.

Отец во мне живет не только отчеством
И не одной фамилией своей.
В его портрет вглядеться часто хочется,
Как в перекресток всех моих путей.

Что знал я в детстве?
Волн прибрежных шорохи,
След влажный на темнеющем песке,
Приморский ветер в белом-белом городе,
Сиреневые горы вдалеке.

Но вслед отцу и сам уже тянулся я
К сосновым шишкам,
к ягоде лесной:

Чащобная,
медвежья Белоруссия
Отцовским детством
говорит со мной.

Как в пушу Беловежскую,
в поэзию

Он ввел меня,
не ведая о том!

И было мне так боязно,
так весело
В его тетрадки заглянуть тайком.

Над выцветшим отцовским тонким почерком
Приподнимает память переплет:
Встают столбцы с коротенькими строчками,
И рифма рифму дружески зовет.

С отцовскими пристрастиями и генами
Что связано, — в нежданный мит поймешь:
Так молнии далекие,

Вдруг озарят ночной мгновенные
бесцветный дождь.

И не струей —
живой бегучей снастью —

С землею свяжут
гумкий небосвод...

И ощутишь,
какое это счастье,
Что корень—жив,
что дерево—живет.

СЛОВО

Не знали, проводив закат,

Увидим ли восход:

В те дни

за слово

и за взгляд

Краснов пускал в расход.

Должно быть, с давних тех времен,

С владычества Краснова,

Как пулю, вбитую в патрон,

Я уважаю слово!

Свалили, подмяли меня впятером,
Мне руки связали моим же ремнем.

Чернилами

Накрасили красные звезды.

Деревья в саду стоят...

ДЕНИКИНСКИМИ ВОЙСКАМИ.

Расстреливают снежками.

Но Золотухин Гришка

Учусь стоять,
 не дрожать,
 не моргать

не дрожать,

не моргать

И, видя снежок, —
не видеть.

не видеть.

Я в жизни впервые
учусь умирать

учусь умирать

И насмерть
лучусь ненавидеть.

лучусь ненавидеть.

РАССВЕТ НАД РОСТОВОМ

Фронт
 неудержимо близился.
Все рушилось!..

 И оттого
Деникин
 не елки,
 а виселицы
Готовил на рождество.

Притихло подворье промадное
(Мальчишечья наша страна).
Почти что невероятная
Над городом тишина.

Вдруг взрыв!
 Как с посудой ящики
Посыпались по этажам!
И улицей нашей горящею
Последний кадетик сбежал.

А утром, —
 трижды запретное,
За что выводили в расход, —
Донкома полоску газетную
ОТКРЫТО
 читает народ.

Мои друзья-старшеклассники,
На страх педагогам своим,
Ходят с повязками красными...
И я
завидую им!

ТАЛОН НА ОБЕД

Жесткий воздух — хоть руками трогай!
Сизая от засухи листва...
Голод с Волги полз по всем дорогам,
На Дону — крестами обрастал...

Очередь толпится и толпится:
Предо мной одни глаза на лицах!
День и ночь...

Конца и края нет...
Трое счетоводов из Помгола*,
В комнатке сидим почти что голой, —
Выдаем талоны на обед.

А талончик —
 суп шрапнельный синий,
Хлеб,
 что остюками колет рот...
Спотыкаясь, бродит по России
Двадцать первый —
 самый страшный — год.

А за дверью
 (я не смею выйти!)

* Помгол — комитет помощи голодающим.

Сколько полумертвых на траве...
Я боюсь, что кто-нибудь увидит,
До чего мне хочется реветь...

Ручкою обглоданием, расколотою
Я пишу...

Конца и края нет...

Не дадим сожрать Россию голоду! —
Получай

талоны на обед!

В БОЯХ ЗАЗУБРЕННЫЙ КЛИНОК

Прошло полвека,
полстолетья, —
А я все вижу этот год:
Вновь
 молодое солнце светит
И дождик
 молодо
 идет.

Летит крылатых бурок ветер,
Сердца навечно опалив...
Год двадцать третий.
 На планете
Еще товарищ Ленин жив.

И вновь
 точильщик одноногий —
Войны гражданской инвалид —
Клинок острит
 и на дорогу
Из-под буденовки глядит.

Ученики соседней школы
Вдруг выскочили на крыльцо,
Следя с вниманием веселым

За саблей
и за колесом.

Они, завистливо вздыхая,
Мечтой
в сражениях живут,
Еще не ведая,
не зная,
Что их
суровой
битвы ждут.

Гудит точильный камень быстрый,
К металлу беспощадно строг,
Но этой встречи не боится
В боях зазубренный клинок.

БАГРЯНЫЕ КЛЕНЫ

Комсомольцам двадцатых годов

Багряные клены, как флаги, спят,
Приветствуя новую осень.

Заносит леса и сады листопад,

И память

меня,

как течение, сносит.

К истокам истоков относит меня,

И все повторяется снова:

Зеленый трамвай пролетает, звеня,

По улице Старо-Почтовой.

Впервые вручает мне комсомол

Винтовку системы Бердэн...

(Какой листопад этой осенью мел

По нашим донским городам!)

И ветер посты проверяет,

кружа

У штаба, казармы и склада...

Я верю в солдатскую силу ружья —

От мушки и до приклада.

.

Давно замело мой мальчишеский след,
Давно уже я стажированный дед,
И сердце сбивается чаще,
Но каждую ночь караулю рассвет,
Пока не придет разводящий.

СВЕРСТНИКИ

Мы себе казались пожилыми:
Было нам уже за двадцать лет!
Мы действительную отслужили,
Отшагали в университет!

Всех пленял один масштаб огромный:
Днепрострой, Турксиб и Метрострой!
Поднимались и дома, и домны,
Собственной любясь новизной.

Как мы прошлое ниспровергали,
Все препрады вдребезги дробя!
Что ни день — гиганты создавали!..
Чувствуя гигантами себя.

Как же не глядеть мне с изумленьем:
Сверстники белы, как снежный наст!..
Только молодое самомнение
С неохотой покидает нас.

БАЛЛАДА О БРОНЗОВОМ ГЕНРИХЕ

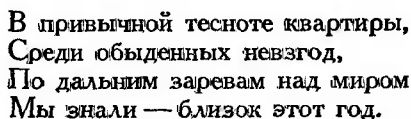
Было все это в тридцатых годах —
В самом еще начале:
Уже неуклюже сожгли рейхстаг,
Но пушки еще молчали.

В немецком маленьком городке
Бронзовый Генрих стоял.
Давным-давно, на любом языке
Генриха стих звучал.

В старенький Рейн глядит, как в стекло,
Прекрасная Лорелея...
Но сколько арийской бронзы пошло
На этого иудея!

Коричневый дым над Германией встал,
Связали стальную удавку,
И осиротел, опустел пьедестал,
А Генрих пошел в переплавку.

Но самый нелепый, бессмысленный труд —
Плавить стихи и солнце!
Стихи и без бронзы звенят и живут,
А их ненавистников не спасут
Ни пьедесталы, ни бронза!

Ковши с кипящим чугуном.

На нас не хлынула война!

ЧЕРНЫЙ ЧАС ВОЙНЫ!

ГОЛОСА УШЕДШИХ

Памяти брата

«Кто выживет,
кто после дней войны
Увидит первый день,
день мира и Победы,
Пусть, не стыдясь холодной седины,
Припомнит юности горячие беседы,
Что мы вели и в дождь, и при луне,
И за полночь, и на рассвете раннем,
О жизни будущей и будущей войне,
Которая тогда уже прошедшей станет...

Пусть он окликнет мертвых и живых,
И, воскрешенные друзьями фронтовыми,
Мы встанем в строй однополчан своих,
Не в дымке памяти —

в пожарах давнем дыме.

Вы слышите, как мы идем за вами
По щебню городов, по пеплу деревень,
Чтобы увидеть вашими глазами
Последний день войны
и мира первый день?!»

1943 г.

художник

Учил холсты

палитре покоряться,

Учился видеть

линию и цвет...

Едва-едва перешагнув за двадцать,

Боялся он пустой растраты лет.

Он шел своею сказочной тропой,

И чувствовал,

быть может, он один, —

Близки ему,

близки между собою

И Андерсен,

и Салтыков-Щедрин...

Их сказки иллюстрировал,

и сказки

Вдруг правдой становились под пером,

И сразу понималось,

без подсказки,

Что злу

вовек

не совладать с добром...

.

СЕСТРЫ ЗОИ

Сестры Зои,
 младшие
 и старшие,
Горько безымянные,
 безвестные,
Павшие
 и без вести пропавшие,

Вы не стали книгами
 и песнями.

Вы, — окопы под Москвою рывшие,
Умиравшие на льду Невы,
Вы, — ни разу в жизни не родившие,
Сколько
 детство подарили вы!

Слезы близких
 даже на мгновение
Не уберегли вас от забвения —
Вам почет посмертный незнаком...
Оттого, должно быть, в этот вечер
Все метет, метет упрямый ветер:
Хочет вас теплей укрыть снежком!

БЕЛЫЙ САД

У солдата тысяча дорог,
По какой идти — видней начальству...
И меня в заволжский городок
На побывку, на недолгий срок,
Занесло каким-то добрым часом.

Меж плетней, заборов и оград
Я бродил морозной ночью гулкой,
И внезапно

белый-белый сад

Встретил я в каком-то переулке.

Я смотрел, а видел, как во сне,
Сад другой

и улицу другую:

Это юность вновь пришла ко мне,
Услыхав, что я по ней тоскую.

И совсем как двадцать лет назад,
По рассветным улицам Ростова
В разукрашенный морозом сад
Мы с тобой вошли как будто снова...

На Дону его сожгло войной
(До сих пор в глазах клубится зарево...),

Но опять в Заволжье он со мной,
Белый сад, — он мне подарен заново!

И в стеклянной отражен реке,
Словно стражей, окружен сутробами,
Белый сад в заволжском городке
Тянется ко мне ветвями добрыми.

Пусть он стал не белым, а седым,
Стал до сердцевины обмороженным,
Он, как молодость, неистребим,
И, как песня, онеметь не может он!

Судьба его мотала по земле —
По обожженной порохом отчизне.
И, подходя к своей большой зиме,
Он мог бы столько званий перечислить!

Он был красногвардеец
и судья,
И смертник в бичераховском застенке...
Не раз, по краю пропасти пройдя,
Он видел жизни разные оттенки.

Был очевидцем стольких начинаний
Он, выросший на грани двух веков,
Но он остерегался дневников
И романтических воспоминаний.

Показывая фото давних лет,
Листая пожелтевшие газеты,
Своим друзьям не в силах дать ответ:
Неужто с ним
и вправду было это?!

Уходят годы —
сыновья веков, —

Смывает время
мысли,
судьбы,
лица...

Мне жалко нерожденных дневников,
Нам не раскрывших все свои страницы.

В МУЗЕЕ ГРЕКОВА

Здесь

в рамах тяжелых

застыла война

И все заслонила собою.

И уши закладывает тишина,

Как в миг

перед самым боем.

В такой тишине умиленности нет:

Предвестницей первого залпа

Идет тишина,

и вздыхает паркет

В грековских воинских залах.

Не слышно, как лошадь копытом бьет,

Безмолвно трубят трубачи,

Бесшумен тачанки лихой полет...

И сердце, замри

и молчи!

Вздывается линий и красок волна,

Самую суть обнажив:

Приходит война,

и уходит война,

А подвиг солдатский

жив.

НАШ ВЕК ВЗРОСЛЕЛ...

Я помню детство в сонном городке...
И вдруг оно набатом захлебнулось:
Пальба,

возникнув где-то вдалеке,
Забушевала в горных руслах улиц.

Не онемели люди в этот миг,
Дни становились громче час от часа,
И нужен был не тихий зов,
а крик,
Чтобы от сердца к сердцу докричаться...

Наш век вырослел в багровой тьме ночей,
Дал стреляные гильзы нам в игрушки...
Искусству оглушительных речей
Учили нас колокола
и пушки.

Но умудренней сделались умы
От выстрелов, гремевших неустанно, —
И соло скрипки
принимаем мы,
И знаем цену
песне барабана.

ДЕКАБРИСТЫ

Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
Синие гусары
под снегом лежат.

Н. Асеев

Смотрят синие гусары
На Синод
и на Сенат,
И вполголоса гитары
О восстанье говорят.

Их сердца
свободу кличут,
Но невятен этот зов.
А картечи голос зычен,
Над Невой —
лед свинцов.

Занесенная снегами,
Как в гробу,
молчит страна.
Под жандармов сапогами
Обрывается струна...

Этот спор

гитар и пушек,
До Сибири санный след,
Поднадзорный помнил Пушкин
До конца —
двенадцать лет!..

Спите, синие гусары,
Песня давняя, — звени,
Ваши тихие гитары
Сердцем помнят
наши дни.

ДВЕ СТРОЧКИ ПУШКИНА

1

Давным-давно все сказаны слова,
А сердце их не пишет под копирку.
И вновь моя пылает голова,
Как в юности, —
восторженно и пылко...

Быть может, внук,
в годах меня догнав,
На собственных внучат
вдруг поглядев задорно,
Подружке седенькой промолвит:
— Пушкин прав:
«Любви все возрасты покорны».

«На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Но и покоя нет.

И воли часто нет...

И все же счастлив я

мне выпавшею долей

Почти полвека, —

столько долгих лет.

Пока в державном ласковом соседстве

На сердце у меня рука твоя лежит,

Так безоглядно радуется сердце

Возможности любить,

обязанности жить!

Нет, я не вспоминаю о любви:
Ведь вспоминают то, что миновало,
Что отгорело, что отбушевало,
Ушло и скрылось, днем вчерашним стало...
Нет, я не вспоминаю о любви.

Она во мне, она всегда со мною,
Она мне стала небом и землею,
Надежным домом, шумною семьею...
Зачем же вспоминать мне о любви?

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

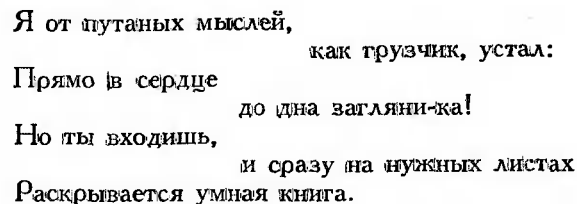
Песня,

дыша материнской любовью,
Нас обнимала, склонясь к изголовью,
И с пионерской дружиной браталась,
И, словно флаг, по шнуру поднималась!

Песня платками махала с перронов,
Нас согревала на полках вагонов,
С нами под теплыми прозами мокла,
С нами ходила к любимой под окна.

Всё, что мы прозой сказать не посмели,
Песни

бесстрашные строчки —
пропели!

Да, я знаю тебя, как пилот — небеса,
Как ботаник — серебряный тополь:
Мне ладони твои не прикрыли глаза
Подкупающей нежностью теплой!
И светлее тебя, и чудесней
Не придумать и в «Песне песней».

Пусть об этом тревожится царь Соломон
В поэтический час досуга.

А для нас
есть один — непреложный — закон:
Мы немислимы
друг без друга.

СТАРШАЯ СЕСТРА

В двенадцать лет
«совсем непросто
стать

Ответственной
старшею сестрою, —
Ей хочется и в прятки поиграть,
И в книжку окунуться с головою.

Но дом на ней с утра и до утра,
И все в семье с ней неразрывно связано:
Не только титул — «старшая сестра»,
А строгая бессменная обязанность.

Считай отметки, деньги и белье
(Хозяйственная сложная статистика!),
Корми,

мири,
мой воинство свое,
А воинство —
оно всегда воинственно...

Растут года, и трудности растут,
Стучатся в окна новые рассветы.
И младшие все чаще к ней идут
За помощью, суждением и советом.

Родня ветвится —

все сложней родство:

Быть тетушкой,

быть бабушкой —

не прощел

Семья — уже не одиночный ствол,

А гордая раскидистая роща!

Семейный титул «старшая сестра»

Несет она и сединой украшена.

Пускай соседи думают:

«Стара!» —

Она совсем не старая,

а старшая!

MOPE

Я уехал мальчишкой,
вернулся — дедом.
Я состарился,
город — подрос и расцвел.
И с трудом нахожу я
по зыбким приметам
Двери
первых,
меня обучавших,
школ.

Только море
 сквозь тоды прошло неизменным:
Непостоянное, как всегда,
Волнуется,
 трудится ночью и днём,
И сотни оттенков меняет вода.

Не жалко Каспийскому
 гула и грома,
И в пену,
 как в детстве,
 весь берег одет:
Грохочет привычно,
 грохочет знакомо,
Как будто и не было прожитых лет.

На город,
на берег, сияющий красками,
Не волны —
бежит за строкою строка:
Как будто бы это
подстрочник с аварского,
Еще непривычного мне языка.

Мне лексика моря
и моря фонетика,
И брызг междометья,
что бьют о скалу,
Понять помогают народов соцветие,
И мой Дагестан,
и Махачкалу.

Стали слишком длинны дороги.
Высоки в квартире пороги.

Что ни сделаю — все нескладно,
Даже Райкина слушать грустно...
Стали все говорить невнятно,
Сад — бесцветен.
Еда — безвкусна.

Неужели хмурая старость
Затемнила мой небосвод?
Нет, подкралась тайком усталость!
Отлежись, отоспись — и пройдет!

Ты не верь, мое сердце, в старость...
Ты не верь!
И она не придет!

Не только удивительна поэзия,
Но и сама собой удивлена!
Связала строчки,
лесенкой повесила:
И в гости к нам
спускается луна.

Поэзия
по слову оголенному
Прошлась,
и слово
расцвело цветком.
Она пришла,
внезапная,
к влюбленному
И сделалась его поводырем.

Как часто нужен поводырь
и зрячему —
Ведь чудо видеть
не обучен глаз...
Она —
то оглушительна,
то вкрадчива,

Она совсем иная
каждый раз.

Она
Эйнштейна
поражает сложностью
Нежданных нот, летающих с листа.
И вдруг
она
проста до невозможности,
Как детская считалочка
проста.

Бесхитростна
и так хитра поэзия...
И ей,
и нам,
как в сказках,
повезло,
Что не сумела
вырасти в профессию
И не переродилась в ремесло.

МОСТЫ НАД РЕКОЙ

Поэту Габору Гараи

Бывает, — в минуту некую —
Ложатся стихи, как мосты.
Проходишь по ним над реками
Пространства и немоты.

Твою немоту излечивает
Стремительная строка —
Волна незнакомой речи,
Пришедшей издалека.

Ты держишься, как за перила,
За понятую строку...
Мост — птицей железнокрылой —
Уже на другом берегу.

И в эту минуту некую,
По воле поэтов и книг,
Ты вдруг понимаешь Венгрию,
Становишься венгром
на миг!

С детских лет до стариковских лет
В памяти моей всегда хранится
Лондонский медлительный рассвет,
Что сошел с прочитанной страницы.

Многоликий

и многоименный,

Город Байрона и город Диккенса, —
Город Лондон многомиллионный,
Чья традиция

на шаг не сдвинется!

Чем пленил меня мой книжный Лондон?
Древних фолиантов позолотой?
Может, тем,

что никогда не виденный

Никогда не мог он стать обыденным?

Может, каждого зовут страницы
В город, им придуманный, влюбиться,
Населить виденьями своими,
Дать ему какое хочешь имя
И лететь к нему сквозь гром и тучи...
И чем дальше этот путь,

тем лучше!

Чтоб рассказать любимой о любви,

Чтоб день счастливый

предсказать рассвету,

Чтобы сказать ракете:

— Не убий!

(До той поры, пока возможно это...), —

Поэт чеканит лучшие слова

Для мира,

для рассвета,

для любимой —

Ночь напролет...

А утром

у стола

Встречает правды луч неумолимый

И вновь, и вновь касается строки

Движеньем нерешительной руки:

— Неужто золота

в ней и в помине нету?

Фальшивку

принимаю за монету?

Всё —

в сотый раз

на клочья изорви!

Не верь словам,
но снова их зови!..

Уже слова и в пене,
и в крови,

И все ж
опять
идут служить поэту.

КРУТИЗНА

Поэзия не ищет, — где ровней,
Порой предпочитает путь окольный:
Зигзаги молнии ей ближе и родней
Всей прямоты любой линейки школьной.

Но жизнь подчас
встает такой стеной,
Такою крутизной несокрушимой,
Что только с безоглядной прямою
Подняться можно на ее вершины.

Из темной тайги разведчик пришел,
И верный рюкзак от находок тяжел,
И карта — в отметках ручьев и болот,
И наспех исчеркан, исписан блокнот, —
Но эти открытья — закрытый сундук,
Еще не подсчитанный клад:
Их надо проверить десятками рук,
И топором, и лопат.

Какой бы шедевр ни создал поэт,
Этот шедевр не родился на свет,
Покамест читателя нет.
Как звук неродившийся, стих живет,
И что он несет,

и что его ждет, —

Бесцветная смерть?

Многоцветный полет?

Неясен еще ответ,
Покамест читателя нет.

И все, что нашел и открыл один,
Пока не сумеет раздать другим,
Бесцельно лежит у него в груди
Кладом немым и глухим.

НОША

У старца и у малыша, —
С годами тяжесть только множа, —
Характер свой, своя душа,
С рожденья выданная ноша.

Она — подобие горба, —
А может, крыльев зачехленных? —
Твой долг,
и должность,

и судьба
Твоих грядущих небосклонов.

Одни легко ее несут,
Другие тащат через силу,
И этот непосильный труд
Не на года, а до могилы!

Неси ее сквозь тьму и свет,
Неси, покамест носят ноги...
Чем больше ноша —
глубже след,
Тобой оставленный в дороге.

СТАРЫЙ ДУБ

Он был когда-то молодым дубком,
Мечтательным, заносчивым, веселым.
И он тянулся к небу...

А кругом
Такие же шумели новоселы.

Прошли года.

И дуб заматерел.
А где ровесники — свидетели расцвета?
Кто — молнией спален,
кто — на кострах сгорел,
А кто — давно покинул рощу эту.

Тот — бочкою с играющим вином,
Тот — баркою с тугим донским зерном,
Тот — рамою, почтительной к портрету, —
Все разбрелись,
все разошлись по свету.

А он — один — вершиною тяжелой
Над рощей высится, глядит на дальний луг.
Праправнуки —

лихие новоселы —
Прапрадеда теснят семьей веселой,
Ему о них и думать недосуг!

Есть у него возвышенной заботы:
Беседовать с орлом и синевой...
Качнется вдруг, охваченный дремотой,
Старик могучий
и чуть-чуть смешной.

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Ты дура, смерть.

А. Твардовский.

Узнаешь старость ты не понаслышке,
Когда озябнешь теплой ночью летнею,
Когда тебе покажутся мальчишками
Отцы семейств — мужи сорокалетние.

Ты старость ощутишь во всех оттенках,
С ее почетом и с ее колючками,
Когда уже не школьниц, а студенток
Ты звать начнешь не дочками, а внучками.

Когда начнешь мириться ты с потерями
Всего, что было с молодостью связано;
Когда начнешь свыкаться с недоверием
К своим рукам, ногам, глазам и разуму...

А дальше?

Утлый домик деревянный
Иль уголь

да седая горстка пепла...

И все?

И все! Ну до чего же странно.

И все?

И все! Ну до чего ж нелепо!

Пусть — уголь! Пусть!

Но тот, что жжет глаголом!

На то и пепел,

чтоб в сердца стучать!

Не то давно планета стала б голой...

А ей цвести,

а ей еще рожать.

Мои года растут —

Годам вовек не кончиться.

Праправнука зову

По имени и отчеству.

Праправнук мой, с тобой и мне в новинку

(А иногда, должно быть, и с овчинку)

Покажется вот этот небосвод.

В твоих глазах горит моя смешинка,

А в говоре твоём мой слышен оборот.

Мои года во мне,

должно быть, с допотопных,

Должно быть,

с бронзовых

веков,

Они в тебе,

с тобой

проложат тропы

В необозримое далёко-далеко.

Не спрячет предков крышка гробовая!

Они и мертвые

к живым идут дружить.

Круговорот времен —
Живущих, живших, тех, кто будет жить!
порука кругованн

Посредине моря-океана,
Где волна тяжелая стеклянна,
На скрещенье голубых дорог
Солнечный поднялся островок.

А на нем — юбрывистом, высоком, —
Полное живым, веселым соком,
Подпирая низкий небосвод,
Дерево упрямое растет.

По приказу моря-океана
В берег бьют седые великаны.

По приказу неба
в разных странах
Набирают силу ураганы,
Чтоб, обрушившись на островок,
Дерево скрутить в бараний рог.

Дерево качается, шатается,
Но волны и бури не пугается:
У него характер прям и крут!
Листья умирают, вновь рождаются,
Ветви прямо в небо упираются...
Сломленные — заново растут!

небосвод.

Все опомнее десятилетия,
И все меньше сверстников крутом,
Я в долгу пред ними,
я в ответе
Перед каждым наступающим днем.

День включает окна на рассвете,
На тетрадь кладет карандаши,
И спешит листать страницы ветер,
И упрямо требует:
— Пиши!

Чтобы, силу смерти пересторя,
Вдруг воскресли в шорохе строки
Сверстники по радости и горю,
Все по жизни
соученики.

Чтобы в жизнь входили без опаски,
Мудростью делились
и бедой,
Чтоб обычной краске типографской
Захотелось стать
живой водой!

Уходит книга выросшим ребенком
(А в ней твои сгоревшие года!..),
И проводить ее последним взглядом робким —
Мучительно-счастливая беда!

СОДЕРЖАНИЕ

«Детство, молодость, зрелость, старость...» . . .	3
«Нам дорог цвет, нам цвет необходим!..» . . .	4
«У времени на правду зоркий взгляд...» . . .	5
«Хотя еще итожить не резон...» . . .	6
«У каждого свое святое свойство...» . . .	8
«Жизнь безошибочной быть не умеет...» . . .	9
«Снег за окном — он стает по весне...» . . .	10
«Ласковый, какой-то бело-синий...» . . .	12
Леший	13
Баба-яга	14
Весенний ручей	15
Тополь	17
«Уже скворцов весенние ватаги...» . . .	18
«Земля вращается, вращается, вращается...» . .	19
Трава	20
«Гроза насытилась, гроза изнемогла...» . . .	21
«Все извечно, и все знакомо...» . . .	22
Неполученное письмо	24
«Солнце, кажется, спит на ходу...» . . .	26
Липовый мед	27
«Я не видел такой глубины...» . . .	29
«Поспешно просыпаются рассветы...» . . .	30
Соседка	31
«Не только в зыбких мифах и преданьях...» . .	33
Бабье лето	34

Выбор	35
Осечка	36
Золотой огонь	37
«Осенний закат — красно-рыжий по-лисьи...»	38
«Старинная кормилица-река...»	39
«Идут холодные дожди...»	41
«Что знает лист о дереве своем?...»	42
Декабрь	43
«Ну, попробуй-ка, уложись...»	45
Зимнее утро	46
«Он с детских лет поверил...»	47
Когда кончается детство	48
«Отец во мне живет не только отчеством...»	50
Слово	52
Расстрел	53
Рассвет над Ростовом	55
Талон на обед	57
В боях зазубренный клинок	59
Багряные клены	61
Сверстники	63
Баллада о бронзовом Генрихе	64
«В привычной тесноте квартиры...»	65
Голоса ушедших	66
Художник	67
Сестры Зои	69
Белый сад	70
«Судьба его мотала по земле...»	72
В музее Грекова	74
Наш век вырослел...	75
Декабристы	76
Две строчки Пушкина	78
«Нет, я не вспоминаю о любви...»	80
Песня о песне	81
«Я от путаных мыслей, как грузчик, устал...»	82
Старшая сестра	83
Море	85
Строптивая лампа	87
«Стали слишком длинны дороги...»	88
«Не только удивительна поэзия...»	89
Мосты над рекой	91
«Я перечел известного поэта...»	92
«С детских лет до стариковских лет...»	93
«Чтоб рассказать любимой о любви...»	94
Крутизна	96

«Из темной тайги разведчик пришел...»	. . .	97
Ноша		98
Старый дуб		99
Круговая порука		101
«Посредине моря-океана...»		104
«Все огромное десятилетия...»		106
Прощание		107

Вениамин Константинович ЖАК

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Редактор *Н. Х. Бабахова*
Художественный редактор *З. А. Лазаревич*
Оформление *Д. И. Кобрин*
Технический редактор *Л. М. Криволапова*
Корректоры *С. В. Павлюкова, Р. Ф. Мурзина*

Изд. № 12/12799. Сдано в набор 2-II 1976 г. Подписано к печати 26-III 1976 г. Формат 70x100/32. Бумага тип. № 1. Объем 3,5 физ. п. л., 4,52 усл. п. л., 2,78 уч.-изд. л. Тираж 6000. ПК 00113.

Ростовское книжное издательство, г. Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23. Типография им. М. И. Калинина Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57. Заказ № 16. Цена 29 коп.